Текст · 21 марта 2022, 16:28
Анна Павлова,

«Русский военный сказал: "Что ты смотришь на меня, как на фашиста?"» Бои в Гостомеле глазами украинки с больным сыном и двадцатью животными

Стекольный завод. «Было очень много молодых ребят убитых»

Русские солдаты [в начале марта] начали наступать на весь город и начали атаковать стекольный завод-[1], они считали это, видимо, стратегически важным объектом. Начали продвигаться от аэропорта, с окраины Гостомеля, к его центру. Мы с ребенком, мамой и животными[2] были дома. На стекольном заводе оставалась часть персонала, поскольку нужно было хотя бы на минимальной температуре содержать печи, чтобы не застыло стекло. Там также было бомбоубежище, в нем прятались больше 150 человек.

В Гостомеле уже не было электроэнергии, но на стекольном заводе еще работали какие-то подстанции, там можно было зарядить телефоны и набрать воды. Гостомель — это маленький городок, поселок городского типа, большая часть населения жила в частном секторе, и у них были скважины, которые работали от света — насос качал воду. Когда не стало света — не стало и воды.

Ни одна гуманитарная помощь до нас не доехала, в соседние Бучу и Ирпень доезжала, а к нам нет, потому что [российские военные] обстреливали. И поэтому люди, которые не боялись [обстрелов], набирали на стекольном заводе воду и заряжали там телефоны, чтобы хоть как-то связываться с родными, говорить, что они живы и узнавать по поводу зеленых коридоров. Я заряжала там телефон, и мы носили еду для сотрудников и детей в бомбоубежище, поскольку там не было ни плит, ни конфорок никаких, а у нас еще тогда был газ, не было только света.

В один из дней, по датам я не скажу, но в начальные числа марта, я приношу еду на стекольный завод, и там уже базируются украинские военные наши. Они говорят мне: «Ну пришла, молодец, ты остаешься здесь». Я говорю: «В смысле, а что такое, что происходит?» — «Ну как бы будет наступление». Я говорю: «Я не могу оставаться здесь, у меня дома животные, у меня дома ребенок с мамой. Давайте я хотя бы за ними схожу». В итоге я сбегала за родными, и мы спустились в бомбоубежище на стекольном заводе.

Сидели там, начался бой вечером. Первая бригада украинских солдат отстояла позиции и, несмотря на то, что русские продвинулись по стекольному заводу, их колонну разбомбили под утро. Я видела это своими глазами, там было очень много молодых ребят убитых. Я понимаю, что они враги, они пришли на нашу землю, но они могли жить, они могли не воевать, они могли, не знаю, заниматься чем-то другим. [Ночью во время боя] меня поднимали наверх, поскольку у меня есть

образование медицинское, и я оказывала первую помощь раненым.

Первую колонну [российских военных] остановили, потом была передислокация наших войск, на следующий вечер была вторая колонна русская, она была больше. Это не кадыровцы были, насколько я видела по остаткам тел, это были русские, буряты. Вторую колонну [украинские военные], к сожалению, остановить не смогли. У нас было много раненых, много потерь, наши отступили, а русские взяли город. И, несмотря на то, что ответки от стекольного завода не было, в плане обратного огня, [российские войска] продолжали 2,5 суток обстреливать и бомбить стекольный завод.

Дым на Гостомелем 24 февраля 2022 года. Фото: Daniel Leal / AFP / East News

Бомбоубежище. «Не смотри на меня, как на фашиста»

На второй день бомбежки к нам спустили раненого мужчину, его звали Иван Иванович — и зовут, наверно, я надеюсь, он жив — он и его жена попали под обстрел. Не добежали до стекольного, когда русские стали бомбить центр, в них попали осколки снаряда. Исполняющий обязанности директора завода встретил их наверху. Иван Ивановичу был 81 год, и у него была раздроблена кость руки до локтя,

рваная рана на ладони и оскольчатые ранения обеих ног. Я ему тоже оказывала помощь.

Продолжалась бомбежка стекольного, хотя там [украинских] военных никаких не было. Раз обратно никто не стреляет, наверно, там уже некому стрелять, ***** [блин]. Они по нему просто херачили. У нас в бомбоубежище — оно было глубокое — сыпалась штукатурка и куски стен. Мы боялись, что она обвалится, либо что они его специально завалят.

Иван Иванович был настоящим героем, он и меня успокаивал, у него действительно было очень тяжелое ранение, еще и в таком возрасте. Он мужественно это все перенес, мы накладывали ему из подручных материалов шину, ну, антибиотики, уколы, потому что в бомбоубежище при такой травме какую-то качественную помощь оказать невозможно.

Потом, когда у них был небольшой перерыв, исполняющий обязанности директора стекольного завода принял решение об эвакуации граждан [из бомбоубежища] — персонала и гражданских. Они эвакуировались вроде успешно, я с мамой и ребенком и еще четыре женщины остались — потому что это не был официальный «зеленый» коридор, там были всего лишь три уцелевшие машины, и остальные люди шли пешими колоннами по 20 человек в сторону Киева. Возможно, их потом кто-то подхватил, подобрал. Это было небезопасно, я так посчитала, и у меня дома оставались животные, я их не бросила.

Мы там оставались еще день, потом я поднялась наверх и увидела, что уже по территории стекольного завода идут русские военные. Я спустилась, сказала

об этом девочкам — как бы закрываемся или нет? Мы не закрывали убежище, потому что они бы услышали звуки, могли бы просто расстрелять, думая, что там спрятались [украинские] солдаты.

К нам спустились русские военные. Я обняла ребенка крепко, сидела с ним на ступеньках. Первый спустившийся военный мне сказал: «Что ты смотришь на меня, как на фашиста?». Я, наверно, его лицо, если бы я его еще когда-то увидела, узнала среди тысячи людей, его глаза вот такие фашистские, прям бешеные, сжатые губы. Вот как в хрониках, когда Гитлер свои речи толкал, именно эти эмоции и мимика лица были точно такие же.

«Не смотри на меня, как на фашиста, это ваши украинские солдаты — фашисты», — сказал мне человек из другой страны, который пришел и разбомбил мой город и мою страну.

Я спросила, можем ли мы отсюда уходить. Он спросил: «Куда уходить? Вы хотите ехать в Киев? Там небезопасно, тут оставайтесь». А я подозревала, что они дальше будут продолжать херачить этот завод. Они нас выпустили, даже предложили сопроводить, но я отказалась, подумала, что, если они узнают, где мы живем, то потом они придут туда. Они еще спрашивали, были ли украинские солдаты на территории завода или же были чеченцы. То есть они даже не знали, кто вообще зашел, чеченцы это же их братва. Они не знали, у кого какая локация.

БТР во дворе. «Не знаю, почему они меня не застрелили»

Мы вернулись домой. Начало падать давление газа, потому что — я периодически заходила в интернет, когда удавалось, и в местных группах писали — попали в газовую трубу. Начало становиться холодно, а у меня маленький ребенок пятилетний, он заболел.

На следующий день утром я проснулась от того, что услышала тяжелую технику на нашей улице, не на центральной. Я выскакиваю во двор, эти уроды въехали на нашу улицу Свято-Покровскую — и на своих сраных танках, БТРах начали заезжать во дворы через один. БТРом давят забор, если стоит автомобиль — как у наших соседей — они давят автомобиль и ставят свой БТР. Просто среди мирных жителей они, скоты, прятали свою технику и лупили из нее, потому что наши власти знали, что эвакуации не было, и они не могли стрелять обратно. Я начала на них орать, чтобы они шли нахер со своим БТРом. Эти русские солдаты начали выезжать обратно, не знаю, почему они меня не застрелили, я тогда об этом не думала.

Они выехали на соседнюю улицу, потом пришел их командир, он был то ли грузин, то ли армянин. Он был старше по возрасту. На что я обратила внимание, ни у кого из них, кроме старших по званию, не было рации. Он спросил, почему я ругаюсь. Я сказала: «Ну потому что вы приперли БТР, у меня тут маленький ребенок». Он сказал, что они его могут поставить на дорогу рядом, у них команда, и они не могут ее не выполнить, но на дороге его будет видно, и больше

вероятности, что по нему будут стрелять. Он сказал, что они уйдут до вечера.

Сгоревший БТР в Буче, недалеко от Гостомеля, Киевская область. Фото: Maksim Levin / Reuters

Они пообещали, что не будут из него стрелять, спросили, чем они могут мне помочь. Я сказала, что нам нужны продукты и нужна вода. Они почистили колодец, набрали нам и соседям воду, отдали часть своих продуктов, еще пособирали по магазинам, принесли нам. Это правда, я говорю, как есть. И они из этого БТР не стреляли, но они остались на ночь.

На следующее утро, это было 8 марта, я запомнила, потому что меня поздравил один русский военный, идиот. После этих всех обстрелов.... Они сказали, что здесь находиться будет небезопасно, потому что командование дало отбой на продвижение, поэтому лучше, чтобы я ушла куда-то вглубь Гостомеля, и у меня на это есть пара часов. На что я сказала: «Куда нам, ***** [блин], идти, потому что у меня маленький ребенок, он уже заболевший». Ну куда? Там уже половину домов разбомбили и все еще лупят. Нам сказали — в любой пустой дом.

Мы собрали какие-то вещи, животных и пошли пешком. По дороге в этот момент ездили танки и БТРы, какие-то грузовые большие автомобили, у меня чуть не задавили собаку. [Мы пошли] не со всеми, часть животных у меня разбежалась, которые не были очень ручные.

Эвакуация. «Убеждали, что в Киеве фашисты, нас убьют, и нам нужно в Беларусь»

Дома в основном были либо разбомбленные до нуля, до руин, либо сожженные изнутри, будто специально просто кидали через окна что-то, потому что видимости обстрела нет, но внутри все выгорело дотла, а остальные — просто закрытые.

Мы остановились в амбулатории, в старом здании. Там было холодно, там уже не было отопления, света. Это был просто адский ад. Это самый центр Гостомеля, напротив мэрии, рядом с церковью. Хочу сказать, что в церковь не пустили. Ну, я понимаю, с животными не пустили, но не пустили даже ребенка погреться, хотя там было тепло. Подозреваю, что наш батюшка местный — это было неоднократно сказано местными жителями — сотрудничал с русскими войсками. Это мое личное предположение, которое основано на личном опыте и на том, что никаких людей тоже не пускали, даже когда спустя пару дней во время эвакуации начался минометный обстрел, люди выскакивали из машин, стучали в двери церкви, но они были закрыты, и люди просто прятались под деревья.

В амбулатории, кроме нас, не было никого. Мы переночевали там, люди принесли мне супа. У ребенка тогда температура была уже под 40. Я бегала узнавать [о гуманитарных коридорах] в церкви, там ничего не знали. Там лежал мэр Гостомеля Юрий Прилипко, его застрелили, а потом тело заминировали, поэтому он там лежал на улице несколько дней. Из-за этого вызывали минеров. Его собирались хоронить, но периодически были минометные обстрелы.

Меня координировала дочка мэра, сама она выехала, потому что у нее маленький ребенок. Она говорила, какую аптеку можно открыть, чтобы забрать лекарства, объясняла, где есть люди, которым нужна помощь. Она рассказала, что есть микроавтобус, который предоставляли мэру, чтобы помогать людям, сказала, где ключи от него. Но я не вожу автомобиль.

На следующий день, когда озвучили, что будет эвакуация, много людей собрались возле мэрии, куда должны были подать автобусы, но их не было. Потом сказали либо машинами ехать, либо пешком идти к другой точке, ближе к городу Буче. А у нас много животных, мы бы не дошли пешком. Я просто начала спрашивать на остановке, кто водит машину. Один парень откликнулся. Мы с ним прошли половину Гостомеля, чтобы взять этот микроавтобус. Насобирали — он своих родных, я своих, малого и животных, ну и просто людей, кого мы мы могли разместить, потому что это был грузовой микроавтобус, там не было сидений, просто кузов.

Поехали колонной, ее начали обстреливать [российские военные] издалека. Там было много

машин, больше пары сотен, вдоль колонны шли лошади. Потом все остановились, мы узнали, что у моста, через который нужно было переезжать, взорвали БТР — русские начали обстрелы, и проехать там невозможно. Всем нужно разворачиваться и ждать следующего дня, потому что автобусы для эвакуации не приедут. Все развернулись и начали ехать обратно.

Благодаря женщине Оксане, с которой мы не были раньше знакомы, мы нашли дом, где можно остановиться. Мы вскрыли дверь и остановились там, чтобы не расходиться всем и потом быстро собраться, если на следующий день будет эвакуация. Ночью тоже были обстрелы. Я не спала, чтобы никто не залез, не вытащил ничего из машины, потому что русские начали мародерствовать и ходить по домам, вскрывать дома и вытаскивать оттуда вещи. Их становилось гораздо меньше, они все ехали вглубь Гостомеля, не в сторону Киева, а обратно, получается.

Разрушенный мост около Гостомеля и Бучи. Фото: Maksim Levin / Reuters

Официальной эвакуации из Гостомеля не было. Сказали, что коридор есть из Бучи, туда нужно доехать. Плюс у нас сел аккумулятор, и поэтому я нашла каких-то русских военных и просила, чтобы они нам помогли завести машину. Когда мы выезжали, они помогли прикурить машину. Они все убеждали, что нам в Киев ехать не нужно, что там

фашисты, нас убьют, и нам нужно в Беларусь. Другие говорили, что они просто хотят домой.

Все, кого я встречала из русских военных, либо хотели домой и говорили, что им нафиг не надо здесь находиться, либо же они боялись за своих родных и близких, потому что им угрожали. У меня даже несколько русских военных спрашивали телефон — позвонить маме или жене, сказать, что они еще живы и вообще сказать, где они. Потому что они говорили, что они [уехали] на два месяца на учения, и у них нет ни телефонов, ни документов. Всем пацанам, которые младшие по званию, было от 18, наверное, до 31-32 лет, а старшим, которые были гораздо злее, порядка 50, плюс-минус десять лет.

Дочка мэра продиктовала улицы, по которым можно ехать. 11 марта мы поехали на микроавтобусе, потом нашли еще один легковой автомобиль. И весь Гостомель, и пол-Бучи я шла перед машиной пешком с поднятыми руками. Ну, хотя мы расписали на машине, что там дети, русские солдаты в городе остались, и как они себя поведут, неизвестно. И нас-таки обстреляли издалека. Я слышала какие-то звуки, но тогда была настолько сконцентрированная и перепуганная, что не обратила внимание, а потом мы уже увидели дырки в машине.

Официальная эвакуация из Гостомеля была на следующий день, туда поехала колонна легковых машин, и ее расстреляли русские. Мы видели дым, а потом, когда уже приехали в Бучу, нам об этом рассказали спасатели.

Потом, уже в общей колонне из Бучи, мы ехали в Киев около 10 часов со всеми животными. Мы въехали, когда был комендантский час, и одни люди, которые ехали с нами, нашли место, где смогли переночевать 14 человек и 17 животных.

В Киеве. «Вся Украина в огне и в крови, все стараются друг друга поддержать»

Я только сейчас буду ребенка оперировать[3]. Операция должна была быть 27 февраля, но началась война, и как бы я ни просила долбаных русских сделать коридор, потому что у моего ребенка онкология — это уже сопутствующее заболевание — они единственное, что мне говорили, что в Киеве фашисты, и предлагали ехать в Беларусь.

У меня было 21 животное. Вывезти удалось 14 моих и трех не моих. Остальные разбежались, там были такие обстрелы… У меня две стены и два окна, двери пробили осколки от снарядов.

Нам сейчас нужно подготовиться к операции. Просто сейчас очень много идет раненых детей, помимо тех, которые были на потоке. У нас усугубилась ситуация, если до этого нужны были челюстно-лицевые хирурги, которые должны были удалить образование и сдать его на биопсию, сейчас уже оно прогрессирует, и нужно искать онкологов.

Киев бомбят авиацией, осколки или единичные снаряды попадают исключительно по жилым кварталам. Часто срабатывают сирены, но мы не прячемся в бомбоубежища, потому, во-первых, здесь

нет такого количества бомбоубежищ, во-вторых, там все-таки не те условия, которые можно моему ребенку. Я понимаю, что нужно сохранить жизнь, но пока мы были двое суток в бомбоубежище в Гостомеле, у него очень усугубилась ситуация по здоровью, потому что должно быть все чисто максимально. Несмотря на то, что у нас животные, мы всегда [поддерживали чистоту].

Нескольких животных я пристроила прекрасным людям, которые, я уверена, если нужно будет бежать, возьмут их с собой. Сейчас у меня осталось 12 животных, в том числе два ежика. Утка улетела. Она полетела на соседние дворы, и там лежали неразорванные снаряды, очень много. Русские даже собирались вызывать минера, но так и не вызвали. Мы оставили корм и воду.

Я попросила соседей, которые там остались, по возможности вскрыть наш дом, чтобы давать еду животным, которые разбежались и могут вернуться. И как только будет возможность, я жду, я поеду с оставшимися.

Сейчас мне много помогают. Все настолько чувствуют эту боль, просто у нас вся Украина в огне и в крови, и все стараются друг друга поддержать и помочь.

У нас нет ущемления русскоязычного населения, у нас нет нацистов, нет бандеровцев. Я сама со Львова, я знаю украинский язык, я разговариваю на русском, причем на русском мне удобнее, потому что я жила в Донецке полжизни, у нас вообще нет никаких проблем, кроме России.

Я жила в Донецке и застала 2014 год, и вот сейчас то же самое, пришел «русский мир» опять нас спасать. От чего? Мне кажется, самое логичное, это всем собраться и поехать жить сразу в Кремль, чтобы они начали бомбить сами себя. Я не знаю... У нас пол-Гостомеля умерли. Хоронили просто на улицах под бомбежками в братских могилах.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Гостомельский стекольный завод «Ветропак» находится примерно в 30 километрах от Киева. 3 марта Минобороны Украины сообщало, что на предприятии идут бои.
2. У Вероники жило 21 животное: собаки, коты, ежики и домашняя утка.
3. У ребенка Вероники синдром Ротмунда-Томсона — редкий наследственный симптомокомплекс, характеризующийся специфическим поражением кожи. Кроме того, как сопутствующие заболевания у него диагностированы рак кожи и рак языка.